

М. Горький и победы пролетарской литературы в 1905 г.

Только что закончившийся юбилейный год ознаменован достижением в печати разнообразных и очень ценных материалов о 1905 годе. Подробно описываются события в той или другой местности, отмечается роль классов и групп в эти памятные дни, выясняется и деятельность отдельных его участников. В стороне как-то остались и мало освещается роль художественного слова, которое, наряду с прокламациями, листовками, безудержно сыграло, не последнюю роль в организации революционного настроения, в возбуждении масс и чувств читателя, в саниитарии его на борьбу со старым строем. В такие эпохи слово поэта играет роль плаката, трибуны, борца, зовущего вперед, к лучшей жизни. Прозаические, — будь то стихотворение, или рассказы и очерки, затрагивающие большие вопросы общественной жизни и прожитые гражданским чувством, — воспитывают читателя и подготавливают почву для активных выступлений.

При разборе дела декабристов выяснилось, что немаловажную роль в развитии их взглядов сыграли произведения Пушкина: «Деревня», «К Чаадаеву», «Noel» и друг.

В 70-е годы, в эпоху «хождения в народ», такую роль играли произведения Некрасова, Плещеева, Горького и др. Читая воспоминания В. Фигнера, Морозова, Дайча, Плеханова, видишь, каким певчим возбудителем и агитатором были произведения Некрасова.

Для следующей эпохи, в канун 1905 года, такое место надо отнести Степняку (Кравчинскому), Якубовичу-Мельнику (Ш. Я.), М. Горькому и др. «Песнь о буре-востнике», напечатанная в журнале «Жизнь» в 1901 г., за что журнал понес кару, облетела всю Россию. Она звучала как молотком на камне, читалась на концертах, вечерах. Бодрый и пламенный тон как-то по особенному парализовывал читателя.

«Буря, своро грядет буря. Это сегодня буре-востник гордо реет между волн над реющим плащом морем: то кричит пророк победы: восток сильнее грядет буря!»

И буря грянула: наступил 1905 год, а затем и 1907 год. Важно отметить, что тогдашняя революционная молодежь чутко прислушивалась к голосу М. Горького и высоко его ценила. В делах бывшего Нижегородского жандармского управления, в связи с арестом М. Горького в 1901 г., имеется переписка по почте писавшего одного из руководителей студенческого революционного комитета, Б. Могилкина, которое является одной из улик против М. Горького.

В то время в Нижнем находилось значительное количество высланных из столиц за участие в беспорядках студентов. У Горького с ними были связи — он бывал у них на собраниях. Молодежь имела возможность близко узнать Горького и оценить по-своему. Из Горького, — писал Б. Могилкин, — выработался теперь общероссийский деятель новой, молодой России. Он — представитель демократии великого, свободного русского народа, который начинает пробиваться от своей вековой спячки, и недалеко то время, когда разойдет он свою спину и стряхнет с себя присосавшихся к нему эксплуататоров, в лице... Читал нам Горький свои новейшие произведения, не пропускавшие цензурой: «О писателе, который встал», «Весна». Первая вещь ему не нравилась самому, и он летом напишет новую, где гораздо полнее сгущает наше общество. **Вторая вещь** привнесла нас всех в восторг (курсив наш. А. С.). «Весна» (финал — «Разговор птиц» — А. С.) характеризует современный момент — момент возрождения. Действие происходит в царском царстве. Все царство разделится как бы на два поколения: одно — консервативное, старое; другое — молодое, стремящееся к свободе. Написано очень коротко. Хороша «Песнь буре-востника», которую поэт читал...»

А вот другое свидетельство, лучшее из рабочих кругов. И. Касаткин, наш нижегородец, перешедший свои годы сивилизации, оставаясь на 1901 году, как год, писал он, живя в Петербурге, попал в кружок самообразования, а затем пошел и в полуполитическую, революционную работу. «В те дни как-раз имя Максима Горького, — пишет И. Касаткин (см. Клейнборг: «Очерки пародной литературы», стр. 143), — оживил оживленной волной в воздухе. Первые его произведения — «Друзья», «Бельгийский Швейцария» — прочел в маленьких книжечках. Сильно понравился. А уж первый его том мы, в рабочем квартале, где-то в отсыпанном доме, в каморке, с живописными перегородками, читали и обсуждали каждый абзац... И каково длинную, захотелную фигуру друга моего, который буквально горел, читая и про Чехова, который читал, и про Соколова, и про Чехова. Потом вскоре он в тюрьму и дозор...»

И таких примеров можно привести немало. Бесспорно одно, что М. Горький был тогда одним из популярных писателей, и на него смотрели, как на представителя великой демократической России. Да и сам Алексей Максимович в своих тогдашних статьях, очерках говорил всегда от имени нового читателя, от имени трудящихся масс.

Тесно связанный с рабочим классом, и по своему происхождению, и по своим взглядам, Горький видел, каково непопулярно боленство хранилось в нашем народе. Надо только их победить и выжить. И он делал все, что

можно было, в этом направлении. Особенно старался поддержать, помочь писателям-самоучкам. «Писатель-пролетарий, по своему социальному положению, является революционером, — говорил Горький. — Ведь, он является выразителем настроений своего класса, его чаяний, и все, что будет им сказано, будет ценно и значительно...» Так вспоминает свою беседу с Горьким в своей автобиографии писатель П. Блок (С. Тихий). С каждым годом рабоче-крестьянская масса стала выделять писателей-самоучек. Особенно увеличилась тяга к литературному творчеству после 1905 года. Горькому пришлось за период 1906—1910 г. прочесть более 400 рукописей писателей из народа. Конечно, очень небольшое число из этих рукописей можно увидеть свет. Это были годы ученичества, только победы пролетарского творчества. Все же стали появляться в печати сборники, альманахи, участники которых были исключительно писатели из народа, пролетарии и полупролетарии. В Москве за 1905 г. вышли 4 таких сборника, изданные народным кружком: «Утро», «Волны», «Луч», «Прибой».

Но отстала и провинция от Москвы. Ряд городов отмечен изданием таких сборников. История рабочей журналистики, Л. Клейнборг, справедливо отмечает (см. его книжечку: «Очерки рабочей журналистики», изд. 1924 г.) среди провинциальных сборников и нижегородский — «Весенний шум», изданный Н. Носиковым, при участии нижегородцев: А. Белозерова, А. Суслера, С. Тихого и Н. Носикова. Все участники — представители рабоче-крестьянской интеллигенции: Белозеров и Носиков из беднейших слоев крестьянства; С. Тихий (П. Блок) — сорганизованный рабочий, А. А. Суслер — из беднейшей мещанской среды, из Лытка. Почти все они прошли тот же жизненный путь, как и Горький: тяга к учению и самообразованию; участие в революционном движении, а затем — обличительные аресты и дни неволи — тюрьма. Вот страничка из автобиографии С. Тихого: «Работал на своей «опасной» работе и становился невозможным для полиции... жандармов. В 1902 году мы выехали на улицы Сормосова и развертываем наше красное знамя. В 1905 г. планируем, как активист, участие в вооруженном восстании, начиная в тюрьму. Прозит высылка. Сидим вместе с нижегородцами: Н. А. Семаново, Яворовский, Уланов (Бездомный), Акимов, Бугаев, Адольфин и многие другие. Освободили в марте. Наступает черная реакция и — снова работа. Я опять в Сормосове».

К членам данного литературного кружка надо еще присоединить: Г. Чурова, Ал. Корытца, Хохлова К. Г., В. Захарова, Г. Успенского. Рассказы, стихи, очерки печатались в местных газетах — Нижегородском «Листке», «Волгаре», «Сурхоходе» и других, как местных, так и столичных изданиях. Многие из участников кружка были знакомы с М. Горьким, Чуковский. Очень тепло отзывались они в своих автобиографиях о знакомстве с М. Горьким и единодушно отмечают товарищеское участие, моральную поддержку, которую им оказывал Горький. Н. Носиков (Иванович), который уже в 1900 г. издал сборник стихотворений под заглавием: «Стихотворения крестьянина Н. И. Носикова», живо рисует картину первого посещения Горького. Это было 1900 года, в феврале месяце. Горький жил тогда на Половой, (около Базарной площади), в д. Курсы. «Горький вышел ко мне в прихожую, как сейчас помню, — пишет Носиков. — Бравым партийцем, в темной блузе, в бурках. Длинные волосы, обильные усы напомнили мне портрет Гоголя. Рот у этого богатыря был такой молчаливый и ласковый и так тепло лучились его пылающие зрачки.

— Я слышал о вас, — говорил Горький, втягивая сильно мою руку: — мне рассказывали. Вы, ведь, пишете стихи? Ну, идите.

Увел меня в столовую, усадил на диван, такого серого, в шубинке, в мохрятых валенках, сел рядом, потренировал по колеснице, по ожившему плечу.

Появилась речь, ласковая, образная, с желанием раскочать деревенского парня, равнять застенчивость.

— Вы вот что, — говорил Горький: — не робейте. У вас тяжелая жизнь в деревне, так, знаете, мы вас устроим в городе. Учиться нужно, знаете. А писать, знаете, рано. В ваши годы я в бабьи лирал на Решетке. Вы там, знаете, наблюдайте побольше. Что увидите, то на ус мойте. Пригодится.

Подшел к шкафу, шарылся в книгах... Я принял бережно эти сокровища. Провисел с Горьким под его напутствие: «Приходите чаще...». Вышел с пылающим лицом. Вот писатель! Это — не чета Тургеневым. Это — евой!.. А какой простой! А силачка какая чувствуется!»

В таком же духе имеются интересные воспоминания и А. Суслера, напечатанные еще в 1903 году в «Литературных приложениях» к «Ниве». Опять Горький дает советы, вызывает к творчеству. «Но как бы то ни было, — говорит Суслер — участие Горького много способствовало моему развитию. Являясь за книгами, я приносил ему на просмотр вновь написанные стихотворения. Однажды я принес стих под заглавием: «Звезда»; оно понравилось Горькому и было напечатано им в «Нижегородском Листке». Больше он не напечатал ни одного моего стихотворения, ссылаясь то на некоторые промахи, то на малочисельность» (стр. 102).

В беседах с писателями-рабочими — С. Тихим, Корытциным — Горький определенно заявлял: «Конечно, у нас нет пока литературы нашей марксистской, отражающей жизнь пролетария города и завода в художественных образах. Этот мир рабочего быта почти не затронут потому, что рабочая масса не выделила еще своих бытописателей. Они только нарождаются и, нужно верить, скоро скажут свое «новое» слово. Давайте, пишите, пишите».

И когда они переносили ему свои произведения и просили высказаться, то слышали от него бодрящие их замечания: — «Вот некоторые стихи Т-го, К-ва очень недурны. В них чувствуется бодрость, вера в лучшее. Они зовут к борьбе... Набросок «Штрафной», «Лишний человек» — хорошие вещи. Рабочие прочтут их с удовольствием. Такая литература нужна. Пишите. Будущее за пролетарской литературой». И мы, — прибавляет С. Тихий, — писали...»

Ободренные и поддерживаемые современно Горьким, они выступают в 1905 году с небольшим сборничком стихов «Весенний шум». Сборник вышел еще в начале 1905 года и протушен цензурой 19 марта. Это обстоятельство приходится учитывать. С одной стороны, блиательная цензура, а с другой... нарастающие события 1905 года. Раскаты грома еще не раздаются. Июльские и декабрьские дни впереди. Видно только, что собираются тучи и быть прозе. Но весна уже наступила. Вот почему и сборник озаглавлен: «Весенний шум». Да, это не только «весенний шум» пробуждающего общества, но это и весенние победы пролетарского творчества. Здесь еще немного оригинального. Чувствуются перемены и Некрасова, и Сурикова, и Якубовича-Мельникова, и Горького. Форма и мелодия стиха несовершенны. Но зато все они пронизаны искренним гражданским чувством. Это не надоевшее пылье и бескрылость. Призывы к лучшей жизни, к солнцу звучат определеннее, хотя и в общей форме:

— Гей, вы, люди! Пробуждайтесь скорей!
Дела много... Скоро солнышко взойдет.
Скоро в тучи все туманы соберет.
Опоищет их порфираю спящей!
Гей, вы, люди! Пахнет в воздухе пресой!
(Носиков).

Предчувствие близкой битвы, схватки с ненавистным врагом отмечают почти все авторы сборника. Фигурки обычных образов: орел и луча, гроза и буря, туча и лес, море и волны, и т. д.

«Не боюсь я волн могучих, —
Колыбель они моя;
С детских лет они качали
На груди своей меня.
С детских лет, бесстрашный в бурю,
Утрамбля и челноком,
Но года борьбы и вынес:
Стал борцом и рыбаком.

(С. Тихий).

Авторы знают, что борьба предстоит сильная. Нужно быть бодрым, смелым в борьбе; нужно уметь метить врагу и не унывать в несчастьи:

Гордый, смелый взор бросаю,
Дивен и молуч,
Поднялся орел, летая,
До далеких туч.
До сих пор не долетало
Никого до них;
Все пред ними трепетало.
Гром заслыша их.
А орел их вызывает
Грозно на борьбу, —
Пытаться скорей желает
В ней свою судьбу.

(А. Суслер).

Но для успеха в борьбе недостаточно отдельных, разрозненных выступлений, а нужны дружные, согласованные действия:

«Волны, как люди, тихонько, одна за другою,
Порозы несутся и плещут, дробясь об скалы...
Чудные! слились бы мощной волной —
Вас не разбил бы утес».

(А. Белозерова).

Во всех стихах сборника чувствуется, что здесь вышел новый писатель, связанный крепкими нитями с революционным классом, идущим на приступ. Им ясны цели. Им ясен и трудный путь борьбы и лишений. Они стараются вдохновить своего брата-читателя и призывают:

«Только для объединенных борьбою
Не существует преград».

(А. Белозерова).

В памятные годы литература, поэзия, как в столицах, так и на местах, выполняла свою роль гражданского служения.

А. СВОБОДОВ